

В. Н. Бунина, настроенная на волну радости и праздника, предается любопытству, наслаждается уникальным в ее эмигрантской жизни высокородным обществом, изобилием, почестями, оказанными ей и ее мужу. Она «вкусно» и донельзя подробно описывает Зурову многочисленные обеды в честь нобелевского лауреата: «А вчера мы были во дворце. Я дважды пожала руку короля. Шла в паре и сидела рядом с принцем Eugene'ом (...) Ела с серебряных блюд. Любовалась огромными гобеленами, серебряными подсвечниками в аршин высотой возьми, статуями тоже из серебра, украшавшими стол, за которым в ряд с двух сторон сидело 102 человека, а ширина стола, мне кажется, в рост человека. Я из простых смертных сидела ближе всех к царствующему дому, как было и накануне. Король сидел чуть вкось напротив. Я хорошо его рассмотрела. Рубашка все время вылезала. Он пил пиво. (...) Обед отличный: икра — дар Густава Нобеля, традиция семьи. (1.) *Consommé chartreuse*. 2. *Medaillon de saumon Amiral*. 3. *Quartier de chevreuil Grand-veneur* (дикая коза с черным соусом) *Aiguillettes de faisan Montmorency Parfait glacé au curacao Fruit de saison Mignardises* (конфеты). Все время оркестры и хор играл из опер».²⁵

Не то у Кузнецовой: если она и описывает обед, то внезапно в бытовое описание вторгается странный, если не сказать зловеший или трагический, мотив: «Зал в старошведском стиле, убранный теми же желто-голубыми флагами. Посреди главный стол, за которым среди членов королевской семьи сидели лауреаты (*голова В. Н.* между двух канделябров с тяжелым черно-блестящим ожерельем в центре стола)» (с. 360).

Характерно, что даже пресловутую бледность Бунина, проступившую на его лице в момент вручения премии, о которой вспоминают оба автора дневников, они воспринимают каждая в свойственном ей ключе. В. Н. Бунина описывает ее как свидетельство особой торжественности момента («После чего [вслед за рассказом шведского академика о Бунине] поднялся Ян и пошел. Шел он очень хорошо. Медленно, с серьезным, чуть трагическим лицом. Кланялся тоже так, как подобает королю»)²⁶ Кузнецова осмысляет все в том же болезненно-эсхатологическом контексте: «В момент выхода на эстраду И. А. был страшно бледен, у него был какой-то *трагически-торжественный вид, точно он шел на эшафот или к причастию*» (с. 359).

Глядя на эти события из дня сегодняшнего, мы знаем то, чего не могли знать их участники в ту пору — что отношения Бунина и Кузнецовой после семилетней идиллии вскоре резко оборвутся и подтолкнет их к этому именно нобелевская поездка. Так что мрачные ощущения Кузнецовой могут восприниматься как душевная усталость от своего двусмысленного положения и как предзнаменования будущего разрыва.

Повтор некоторых событий в дневниковых записях и письмах Буниной и Кузнецовой выглядит само собой разумеющимся — они постоянно видят одно и то же и обе, как правило, фиксируют наиболее значимые моменты поездки. Но и здесь посылом нередко становятся обстоятельства, находящиеся, так сказать, за текстом событий нобелевских дней. Так, еще по пути в Швецию выясняется недоразумение с железнодорожной плацкартой. Явно досадное, это происшествие, однако, вполне спокойно передано в «Грасском дневнике» (попутно стоит обратить внимание на еще одну характеристику Бунина, встающую все в тот же, видимо, невольно создаваемый Кузнецовой трагическо-эсхатологический ряд): «4 декабря. И. А. никуда не ходил и не ездил — *нечеловечески устал* за эти последние дни, — и только после

²⁵ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову в ночь с 12 на 13 декабря 1933 года (Leeds Russian Archive. MS. 1067/7940). Здесь уместно отметить, что В. Н. Бунина сохранила приглашения, план размещения и список гостей, а также меню нескольких банкетов (см.: Ibid. MS. 1067/676-687).

²⁶ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 11 декабря 1933 года (Ibid. MS. 1067/7939).